

Людмила Гурченко:

Не надо сравнивать меня с Марлен Дитрих!

— Почему же сейчас вы так неохотно общаетесь с журналистами?

— Я разуверилась в них. Вспоминаю одно интервью, к которому готовилась с чистыми мыслями. Мне было много о чем рассказать, и я бы не пожалела эмоций. Пришел известный, как он сам о себе сказал, журналист. Но с самого начала я почувствовала, что беседа не клеится. Он задал один вопрос, второй. А третий был: "Скажите, а что за человек Кобзон?". И через мгновение: "Вот я так и знал. Он меня предупредил, что у вас будет именно такое лицо, когда я назову его имя". Повисла пауза. Навалились тяжесть, мрак, и мне стало абсолютно безразлично, что обо мне напишут, как посмотрят. И я выпалила: "А не пошел бы ты..." Потом эта же газета пообещала, что пришлет другого журналиста. Пришла очаровательная женщина, задавала прекрасные, мягкие вопросы. Я расслабилась, и вот через полтора часа беседы опять: "А вот ваш второй муж Иосиф Кобзон..." Как отвечать милым молодым людям на их незамысловатые вопросы? Девушке лет двадцати пяти, когда она спрашивает, что чувствует стареющая женщина. Притом, что я смотрю на нее и ловлю себя на мысли: выгляжу-то я намного лучше ее.

— А как вам это удается?

— Я думаю, это от природы. Я ем все — салат, картошку, мясо. Улитки тоже ничего. Я — как военный ребенок, который вечно хочет есть. При этом я никогда не поправлюсь и не худею. Такой организм — проходимость не нарушена. Диеты, таблетки, спортивные занятия — это не для меня. Я даже зарядку не делаю.

— Как вы настраиваетесь на работу?

— Когда я выхожу на сцену, все вдруг происходит само собой. Но я очень много думаю, поэтому у меня в голове какой-то кошмар. Говорят, что актеры нормальные люди. Не надо — это неправда, это идиотство, если входишь в образ, то двигаешься и думаешь совсем по-другому, и даже сердце стучит иначе. Господи, думаешь, это же что-то отходит от меня, а входит в меня совсем другое... Выйти из роли бывает нелегко. Я могу ответить в характере того человека, которого играю. Отсюда бывают всякие обиды.

— А вы не задумывались о том, чтобы передать кому-нибудь свой богатый актерский опыт?

— Я бы с удовольствием это сделала, но не знаю как. Если человек талантливый и у него есть актерское чутье и интуиция, он сам все схватывает на лету. А учить — это как-то неловко. "Здравствуй, дорогие ученики! Я хочу рассказать вам, как вы должны ходить по третьей позиции..." Нет, так я не могу.

— Почему вы даете так мало сольных концертов и ваше певческое имя не столь громко?

— Как вы понимаете, певицы занимаются только пением. У меня же есть еще кино и театр. Когда я снимаюсь в кино, я вообще забываю о том, что пою. Даже музыку не слушаю, чтобы не отвлекаться. А съемки — это полгода жизни, если не год. Поэтому пытаюсь наверстать упущенное. Как правильно сказал

Людмила Гурченко интервью давать не любит, ее пресс-конференции — большая редкость. А потому ее встреча с журналистами на "Славянском базаре" в Витебске привлекла огромное внимание.

— Я готова отвечать на любые вопросы. Раньше мне говорили: "Вы знаете, мы этого не будем писать, потому что это чересчур". Я недоумевала: "Но ведь это же правда!" — "Ну и что? Лучше все-таки подчистить"...

Фото Дмитрия ТКАЧЕНКО

Марк Бернес, актера эстрады делают 20 — 25 песен. А если он поет 100 — 150 — о флагах, партии, угледобытчиках, любви, разводе, семье... Я не могу петь все подряд! У меня песен мало. Они для более тонкого зрителя, на меня не валят валом, как на других певцов. И новые песни я ишу с большим трудом. Я должна их обжить, как роль.

— Русская эмиграция сравнивает вас с Марлен Дитрих. Как вам такое соседство?

— К сравнениям я вообще отношусь скептически. Что значит русская Марлен Дитрих? Ей бы мои условия. Она бы никогда не смогла быть русской Марлен Дитрих. А я в ее условиях покорилась бы миру! Она и пела-то ведь только в одной тональности — в соль миноре.

— Ваша дочь не стала актрисой. Но говорят, иногда талант проявляется через поколение. Есть ли актерские способности у ваших внуков?

— Нет, в них все спит.

— Какие они? Часто вы их видите?

— Дело в том... Знаете, я бы не хотела... Я для них Люся, понимаете? Им 14 и 15 лет. Мальчик уже выше меня. В общем, все в порядке. А вы что хотели бы услышать?

— Ваша книга "Аплодисменты, аплодисменты" содержит больше вопросов, чем ответов. Не будет ли продолжения книги?

— Многие советуют мне писать дальше, но я никак не нащупаю стержень, вокруг которого крутились бы действия. Кроме того, личных откровений сейчас пруд пруди.

— Расскажите о своих новых работах.

— К тому, что я делаю сейчас, я

готовилась, может быть, всю жизнь. Поздно, конечно, но возможности появились только сейчас. Это будет мюзикл. То, ради чего я пришла в кино. Ведь драматические роли я играла от отчаяния. Пьеса сделана по оригинальному рассказу Агаты Кристи "Бюро счастья". Сценарий написан Александром Бородинским, знакомым вам по фильму "Мы из джаза". Музыка Виктора Лебедева — помните "Гардемаринов" или "Небесные ласточки"? А ставит спектакль Андрей Житинкин, с которым я работала в Театре сатиры в "Поле битвы после победы принадлежит мародерам". Собран блестящий состав актеров — я их всех обожаю и восхищаюсь ими. Роль шефа "Бюро счастья" поет, играет и танцует Николай Фоменко. Роль моего мужа исполняет Александр Михайлов, а его пассии — Алена Свиридова. Роль молодого танцовщика, которого мне предлагают в "Бюро счастья", у Гедимины Таранды. Премьера состоится в середине октября. Все будет по-настоящему: живой звук, живой оркестр из 50 человек. Даже будет слышно, как мы задыхаемся после танцев.

— А как обстоят дела с кино?

— Если бы мне лет семь назад сказали, что я буду сниматься в кино по желанию, то я, наверное, просто убила бы этого человека. А сейчас так оно и есть — я не вижу своих ролей. То, что мне предлагают, уже сделано раз пятьсот другими и мною в том числе. Вот в мюзикле я вижу свою необходимость и даже необходимость.

— Почему вы отказались сыграть в гримовской "Му-му"?

— Играть барыню, страдающую от одиночества, — это я еще понимаю. Но какое-то

странное у нее это одиночество. Озабоченное, что ли. Она все время ждет глухонемого Герасима, чтобы удовлетворить свою страсть. Этого я играть не могу.

— Нет ли у вас совместных проектов с Эльдаром Рязановым?

— Вопрос очень сложный. Например, у него в сценарии, скажем, "Вокзал для двоих", написано: "К столику подходит 26-летняя героиня Вера с бодрящими глазами". И Эльдар Александрович говорит: "Люся, играть будешь ты, я чуть переделаю". И переделывает: "К столику усталой походкой подходит женщина с пожившим лицом неопределенного возраста". И я стала у него играть. Но сейчас быть в возрасте немодно. А вы говорите.

— Как складывается ваш гардероб? Вы сами шьете или обращаетесь к модельерам?

— Я очень хорошо шью сама, но сейчас на это нет времени. В последнее время я сдружилась с Валентином Юдашкиным. Вот, к примеру, мне нравится, как дирижирует Евгений Светланов — со всеми акцентами, с переключкой всех инструментов. Я хожу на все его концерты. Именно у него я слышу то, что мне близко. Так и Юдашкин: когда я вижу его коллекции, то понимаю, что это мое. Может быть, иногда что-то стоит немножко переделать, и я говорю об этом Вале. В итоге все сидит на мне, как будто на заказ исполнено. Кроме того, я часто хожу по магазинам. Могу купить какую-нибудь турецкую вещь, переделать ее, и когда спрашивают, не от Юдашкина ли, то отвечаю утвердительно.

— Как часто вы бываете на родине?

— В последний раз я побывала в Харькове в апреле. Там выбрали мэра, и я приехала его поддержать. Народ был доволен моим выступлением. Мэра переизбрали еще раз — может быть, и я сыграла в этом какую-то роль. Я вообще с удовольствием встречаюсь с земляками. Ведь харьковчанин — это совершенно особое явление. И его узнаю сразу же. Человек, родившийся в Харькове, подходит и говорит: "Я тоже с Харькова". Он никогда не скажет "из Харькова", он скажет "с Харькова". Как будто он спрыгнул оттуда. Сразу слышно: наш человек.

— У вас нет ностальгии по ушедшим временам?

— Абсолютно. Я ничего не хотела бы вернуть. Мне интересны сегодняшние люди, интересно, что будет завтра. Повернуть назад? Боже сохрани! Я рада, что вы там не были...

— Какая мысль часто приходит вам в голову?

— Вот сегодня, собираясь на встречу с вами, я подумала, что молодые люди не свободны, потому что они родились при свободе — делай что хочешь. А вот я свободна. После всего, что было раньше, я сейчас могу делать все что угодно. Понимаете? А родиться с этим "все что угодно" — это совсем другое дело. Может быть, я непонятно говорю. Иногда я даже сама боюсь своих слов.

— А чего вы еще боитесь?

— Я боюсь людей.

Записал
Сергей БУГАЕНКО